

СРЕДИ суматохи съемок его отрешенность особенно бросалась в глаза. В массивном, странной формы кресле заслуженный артист РСФСР Андрей Мягков устроился, как на необитаемом острове. И терпеливо ждал, когда в очередной раз будет обмерян, освещен, переодет. Но в работу включился моментально — и перед нами уже сноровисто стучал на пишущей машинке и курил, мучительно думая о чем-то, некий обладатель комфортабельной квартиры в одном из московских микрорайонов.

Фамилия его была Швырков. Он только что проводил в командировку жену и теперь терпеливо сносил присутствие в доме ее не ко времени прибывшего отца. «Тесть приехал» — так назывался рассказ Юрия Пахомова, по которому и снимался на «Мосфильме» картина «Послесловие».

В перерывах Мягков рассказывал мне, как интересно работает с режиссером Марленом Хуциевым, восхищался «тестем» — Ростиславом Пляттом. Говорил и о своем Швыркове — так, как говорят о давнем знакомом, соседе или даже о себе самом: «У него характер не очень определенный, недостает четкости, ясности. Может, хороший человек, а может, так себе. Про него нельзя сказать — делец, разве что — излишне деловит, не блещет чуткостью и добротой...»

— Работая над очередной ролью, вы отождествляете себя с героями?

— Каждой роли отдаешь частичку сердца, нервы, время, вносишь в нее черты своего характера. Любой персонаж исследуешь через себя: такой он, как я, или это совсем другой человек? Так что в каждом герое наверняка есть доля и меня самого. Совпадение это, конечно, не абсолютное: не могу сказать, что в жизни я такой, как в фильмах. Женя Лукашин из «Иронии судьбы», к примеру, застенчив, мягок, робок — я же жестче, четче... Ощущение чужого характера обычно приходит само, если правильно живешь в роли. Постепенно начинаешь постигать мотивы поведения другого человека, пытаешься понять его изнутри, перенести на себя его «угол зрения» на жизнь, людей. И тогда сами собой определяются и нужная пластика, и манера говорить...

— Вы упомянули Лукашина, самого, пожалуй, любимого зрителями вашего персонажа...

— Не скажите! Писем тогда в самом деле приходило много. Большинство их авторов отнеслось к Жене доброжелательно. Но нашлись и возмущенные: «Как мог Лукашин бросить Галю, да еще напиться? И это положительный герой?» Не знаю, чем объясняется стойкая популярность этого персонажа и фильма у зрителей. Но сниматься мне было легко, приятно: очень доброй и веселой оказалась рабочая атмосфера. Эльдар Рязанов, как никто, заполняет своим обаянием съемочную площадку, он способен подлинно чувствовать и понимать юмор. И он не диктатор: идет на наши актерские предложения, любит импровизацию. Я в трех его фильмах играл, а сейчас еще одна вариация на тему: получил предложение сняться в новой рязановской картине в роли Карандышева из «Бесприданницы» Островского.

— Много лет вы были актером «Современника», затем МХАТА, а недавно совсем оставили сцену. Чем это вызвано?

— Давайте рассматривать мой уход как временную перемену интереса. Исчезло удовлетворение от того, что делаю на сцене, стало казаться, что скучно и мне, и зрителям. К тому же все труднее совмещать театральную работу со съемками, мало остается времени на занятия со студентами. Я уже восемь

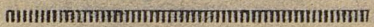
лет преподаю в Школе-студии МХАТ, которую и сам окончил, все больше увлекаюсь этим живым и непростым делом. С учениками невозможно заниматься от случая к случаю, нужно участвовать в их жизни ежедневно. Я поначалу не решался брать за преподавательскую работу, год ходил на занятия к другим педагогам, присматривался. И убедился: важнее всего выработать у ребят определенное мировоззрение, воспитать в них духовность. Актер должен быть всесторонне развитой личностью. Наша профессия представляется мне целым комплексом знаний, а не только суммой конкретных драматических приемов. Тут необходим собственный взгляд на мир, жизнь, нужны истовость, самоотдача. И я хочу, чтобы мои ученики были прежде всего тонки-

вдур интересоваться. Даже не знаю, с чем это связано. Но если вспомнить самые любимые работы, то, пожалуй, особенно был захвачен, когда в «Современнике» ставилась театральная трилогия «Декабристы», «Народовольцы», «Большевики». Мы все тогда с таким увлечением играли, с таким подъемом!

— Тогда вам пришлось создавать образы реально существовавших людей. Подобные работы были и в кино. В чем их специфика?

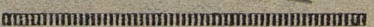
— Тут важнее всего не испугаться. Пытаешься вникнуть в суть данного человека, стать на него похожим. Я имею в виду не только портретный грим, но — и это самое главное — похожесть внутреннюю.

Скажем, по кинохронике, фотографиям, пластинкам, воспоминаниям очевидцев все мы знаем по-

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

АНДРЕЙ МЯГКОВ

ми, умными, глубоко думающими людьми, высоко нравственными в полном смысле этого слова.

— А как сами стали актером?

— Винаваты родители. Их собственные профессии связаны с искусством не были: отец преподавал в Политехническом, мать работала инженером. Но нас с сестрой они приучили к театру — покупали абонементы в оперу, следили за премьерными. Я — коренной ленинградец и, как многие, еще школьником увлекся спектаклями Большого драматического театра. И одним из самых сильных потрясений для меня на всю жизнь остался виденный там «Идиот» с Иннокентием Смоктуновским в главной роли.

Еще очень любил МХАТ, который приезжал в Ленинград на гастроли, много читал о его замечательных актерах, его первых студиях. Но в школе об актерской профессии не думал и после окончания десятилетки поступил в химико-технологический институт. А там, на мое счастье или несчастье, оказался крепкий театальный коллектив, «театралка», как мы его называли. Я там много играл. И когда в наш город приехала выездная приемная комиссия мхатовской школы-студии, пошел пытаться счастье, хотя уже заканчивал последний курс.

О своем зачислении на актерский факультет узнал, когда защитил диплом и нужно было ехать по распределению. Не оставалось ничего иного, как пробиваться на прием к заместителю министра химической промышленности... И ведь попал-таки, объяснил все, как есть. В результате снова стал студентом. А когда учеба закончилась, был приглашен в «Современник»...

— Среди сыгранных ролей какие особенно дороги?

— На это непросто ответить: отношение к ролям со временем меняется. Некоторые постепенно начинаю любить: так произошло с Александром Адуевым из «Обыкновенной истории», братцем Лаймоном из «Баллады о невеселом кабачке». Некоторые же, напротив, перестают

ходку Владимира Ильича Ленина, его речь, манеру вести себя. И во время съемок фильма «Надежда» от меня требовалось сделать все это «своим». А как? Просто копирование тут не годилось. Пришлось перебрать гору материала, читать, смотреть, слушать. И обнаружились неприметные на первый взгляд, но очень важные для меня вещи. К примеру, изучая записи ленинского голоса, обнаружил, что в обычных условиях речь Владимира Ильича ровная, ни одной буковки не проскакивает. А вот на митингах, где надо убедить множество людей, где мало времени, а мыслей нужно высказать много, слова произносились Лениным не так отчетливо, некоторые звуки проглатывались...

Только когда я пойму, почему тот или иной конкретный человек так движется, так говорит или, напротив, молчит, я смогу его сыграть. Вот «рецепт», по которому готовились и роль Герцена в фильме «Старый дом», и роль Гайдара в «Серебряных трубах», и образы героев театральной трилогии.

— Как относитесь к своей популярности?

— Мучительно, когда на улице, в магазине, на отдыхе на тебя показывают пальцем, да и утомительно к тому ж. Главное же — ни секунды нельзя побыть один с самим собой, а человеку это необходимо! Поэтому, когда оказываюсь свободен, просто бегу домой и запираюсь на ключ. Читаю или рисую: я немного пишу маслом — в основном портреты, натюрморты.

— Чем дорога вам актерская профессия?

— Мне кажется, что искусство должно занимать огромное место в жизни человека, быть одним из главных составляющих его духовной сути. И сознание, что ты причастен к этому, приносит удовлетворение. А еще есть радость каких-то открытий, находок. Радость оттого, что не все гладко и просто, что наша профессия — это поиск, притом бесконечный...

Интервью провела
Татьяна ИСКАНЦЕВА.

